

к 1331546

Сергей БАГРОВ

**ТЕНЬ
ХОЛОПА**

ТЕНЬ ХОЛОПА

Своя земля – свой прах.

Товарищ годится не в каждую путь-дорогу. А в эту, которую выбрал себе Фенко Брагин, он был бы, пожалуй, еще и помехой. Бежал табунщик из Устья тайно на длинной хозяйской долбленке. Глядя в неверные блики ночной Мологи, пловец торопливо пихался шестом. Плыл и думал с боязнью, что вон, за тем поворотом реки откроется что-то худое. Погони он не страшился: ушел хорошо, не знает не только дворовая челядь, но даже родимая мать. И все же в сердце скребло. Бросить старуху. Одну. Такое ему запишется в грех. «Жаллива мати моя, – бормотал *теклец* под выплеск воды за шестом, - токмо без разума. А жалость без разума, что *кумоха*».

На душе у Брагина было смятенно. Мог бы остаться и при усадьбе, пасти господских коней, объезжать самых лютых и самых ретивых, кабы Илларий Шаганов, хозяин поместья, мужчина породисто-тонкий с блудливой поглядкой коричневых глаз на прельстился на юную Павлу.

Все из-за Павлы и приключилось. Была она слишком приметна ласковым взором своих *гоноболевых* глаз, пригожим лицом и удавшимся ростом. Чаял Фенко на ней жениться. Управляющий Гога Рогов пообещал пастуху пособить.

Однако, выслушав Гогу, Шаганов побагровел. Хотя и было ему за сорок, хотя и имел молодую жену, но давно и прицельно бросал на рослую деву похотливый взгляд, не допуская и мысли, чтоб кто-то, кроме него, имел на *славницу* виды. Первым порывом Шаганова было: «Вздутъ наглеца!» Но показалось этого мало и он, задумчиво улынувшись, глянул на Рогова, как советчик.

- Кто у нас самой-то старой девицею будет?

Гога немедленно вспомнил:

- Марфа! Ноне ей на Илью будет семьдесят лет.

В тот же день повелел Шаганов позвать пастуха. Дожидаясь, вышел из комнат на верхний рундук, угнезвился в плетеное кресло. Красиво-холеное гладенькое лицо, плечи, откиннутые назад, кушак халата на животе, укладка правой руки на колено, левой – на подбородок – все в хозяине затаилось в предчувствии близкой потехи, благо к каждой из них, как к охоте верхом на зверя, так и к гладким дворовым девкам, он испытывал сладкую слабость.

И вот пастух перед ним. С удивлением, ревностью и мстечей изучал Шаганов стоявшего под крыльцом двухэтажных храмин детину, видя в крепко сбитой его груди, постановке босых долгих ног и в суровом нахмуре белёсых бровей упорство и силу природного удалца, унизить которого может не каждый.

- Зрю, холоп, на тебя и вижу: поспела пора тебе пожениться!

Сердце у Фенка взлетело, он покраснел и счастливо представил Павлу, с кем отныне он свяжет судьбу.

- Поспела, - шея его легла на поклон.

Шаганов зажмурился.

- Завтра же и женись!

Окатило Брагина тихим блаженством, и он, не веря ушам своим, робко спросил:

- На Павле?

Подлокотники скрипнули под руками – Шаганов привстал, повисая на миг над креслом.

- На Марфе! – И, осветясь небрежной улыбочкой властелина, который давно всем пресыщен и плохо знает, чего еще можно себе пожелать, толкнул ладонью вперед, отправляя холопа домой.

Заморозком пробило лицо пастуха. Он обиженно дернул губой, но, подумав, что барин шутит, сдержал в себе ярость и подсказал:

-Мне-ка всего осемнадцать.

Хозяин расхохотался:

- А Марфе семьдесят без недели!

Табунщик глухо отмолвил:

- Али уж я негодящий – эдак-то *гадиться* надо мной? Слава-те богу, не *божедом!*

Не привык Шаганов, чтоб кто-то с ним пробовал спорить, потому изумился, уставясь на Брагина, как на безумца, которому может не сдобровать.

- Сам знаю!Сам!

Сейчас бы холопу потупить глаза, виновато и жалобно улыбнуться, сказать с покаянием слово-другое и, может быть, барин маленько смягчился, не стал бы настаивать на своем. Однако Фенко позволил себе повести разговор не по чину и даже дать Шаганову здравый совет:

- Будет, барин, по-божески, коли меня ты отжалуешь Павле, а Марфу – недужному старику.

На впалых щеках Шаганова проступили брусничные пятна.

- Бр-рысь, холопский паздёр! Отшатись от меня, покуд Гоге не кликнул спустить на тебя лягавых!..

Вызывал в тот день Шаганов и Фенкову мать. Возвратясь от него, та щепоткой трех пальцев бросала на сына трясущийся крест:

- За упрямку - и в лямку. Покорисё, Феня, хозеину. Женисё на Марфе.

Понял Фенко, что мать, жалея его, боится, как бы чего пострашней с ним Шаганов не сотворил. Поглядев на изжито-сухое лицо родимой, утомленно и вяло сказал:

- Спать не лягу. Пойду, погадаю на месяце. Что мне за ночью выпадет – утро покажет.

Ушел из черной избенки с гнетущим вопросом в груди: «Сколь силы во мне, столь в хозяине слаби, так пошто же я с ним ничего не смогу?» Пала на думу Павла, в груди посветлело, и Фенко, взмахнув кулаком на черневший с края селища угол барских хором, направился к *курному дому* зазнобы.

Молодица ждала его, точно знала: он придет к ней последний разок. Открыв слюдяное оконце, она приложила палец к губам, осмотрелась окрест и пустила холопа в светелку.

Вздохи ветра, запах подкошенных трав, мягкие девичьи руки обнимали Брагина в эту ночь. Ночь греховной любви. Ночь невольной разлуки. Фенко жарко шептал:

- Убежим в лесную *пустынь*. Спасемся тамо и будем жить, яко люди.

- Домашняя я, - отвечала таким же шепотом Павла, - не привыкша к чужой стороне...

Слезая с оконницы, видел Брагин в свете споро встававшей луны меловое личико Павлы, ее залитые страхом глаза и покорные белые руки, не отпускавшие от себя. Но надо было уже уходить, и он силком оторвался от рук. Пятясь, хватал глазами трепетный взмах ее быстрых ладошек и чуял тяжелую грусть доброхота, который жалеет любимую пуще себя.

Шел табунчик в напознях мрачных теней от соломенных крыш, от мельниц-столбовок, от двух высоких обетных столбов, поставленных в память о непогоде. Шел неизвестно куда. И только на срезе угора, откуда увидел покойное лежище лодок, он приочнулся,

сообразив, что внизу, среди седеющих всплесков реки и проляжет его дорога.

Плыл беглец по течению резвой Мологи. Подле Устюжны...Подле Плотичья... Питался рыбой, которую брал, таясь, из поставленных морд и сетей. Под Медными Глинами глупо попался, был закидан камнями и еле-еле, без лодки, с пробитым виском бежал от лихих рыбаей.

Когда нет ни мечты, ни цели, ни способов, как пропитаться, где переспать и кому исповедать свой дух, поневоле встаешь на бродяжью тропу. Месяц, не мене, мытарствовал Фенко по весям, селищам и городам. Уносил одежду с чужого подворья, очищал чей-нибудь огород, забирался в амбар... Били его батожем, стегали витнями, спускали в погоню дворовых собак. Был бы Фенко помельче в костях, помедлительней, посмирнее, не имей бы он грубой закалки табунщика стада, когда срывался на полном скаку под копыта коней, укрощая их дикую ярость, не храни бы под сердцем образ ласковой Павлы, то, наверно, бы сгинул бесследно, как странник, которых так много всегда пропадает в бескрайних пределах Руси. Постепенно он начал дичать, ощущая в себе полужверя, кого положено гнать, гнать и гнать. И уже усталость ложилась на сердце. И он все чаще вставал сиротой на дороге, запрокидывал к небу лицо и взывал:

- Господи! Аль не видишь, что пропадаю. Примири меня с миром. Пошли благодать.

Непомерно много запрашивал Брагин. Стоял *7115-й год*. Год неверный и ненадежный. Крестьянская Русь сотрясалась под гневом, и каждый житель ее не ведал, когда и как он закончит свой век. Две силы столкнулись друг с другом. Во главе одной – Иван Болотников и союзник его лжецаревич Петрушка. Во главе второй – царь Василий Иванович Шуйский.

Меньше всего думал Фенко о том, к какой силе ему прилепиться. Но по воле бродяжьей судьбы оказался в

Калуге, где в одном из питейных *кружал* он услышал престоловраждебную речь *целовальника* Кеши Копыта, призывавшего всех непромешно направиться в Тулу, благо там и Болотников, и Петрушка, с кем не страшно идти войной на царя.

«Мне-ка с вами не по пути, - думал Фенко, кидая взгляды на пестро одетых посадских с тяжелыми кружками на столах и стоявшего за прилавком речистого Кешу, - мне-ка царь худова не сделал. Кабы на барина моего, на Шаганова Ларьку, тут бы я со геройской душой...»

Оборвал холоп свою мысль. Двери кружечной распахнулись и, блестя бердышами, ввалились стрельцы. Самый старший из них пожилой рыжий сотник в кафтане с длинным рядом нашитых шнурков на груди, приказал:

- Вяжите, как псов!

- За что-о? – От прилавка с кружкой в руке двинулся к сотнику целовальник. И в ту же минуту из зальца, толкаясь, протиснулся юркий доводчик с обдутой, как одуванчик, голенькой головой и той подловато-победной улыбкой, какой застигают врасплох. Встал доводчик против Копыта.

- Этот шишель злонамерен! Аж на цареву креслице метит! А все остатные, - указательный палец его разъяренно вычертил круг, обводя все столы, где сидели притихшие калужане, - слуги вора Ивашки!

Полетела скамейка с козел, мигнул в дверях выносной фонарь. Не успел доводчик вернуться к столу, чтоб допить там из кружки вино, за которые плочены деньги, как всех повязали и, подтыкая концами секир, затолкали к дверям.

Фенко был всполошен. Ни за что, ни про что попасть под арест?! Было обидно и горько. Ступая среди таких же, как он, бедолаг, Брагин зло ворочал руками, приказав самому себе – освободиться от пут.

Вели к краю города. Тут и там крепостные, из бревен заборы, на крышах перильца и теремки, сторожевые башенки-вежи, кресты и маковки чинных церквей, а во дворах, на улицах и в проулках самый разный ремесленный люд, среди которого сразу узнаешь колодезных дел мастеров, печников, тележников, богомазов. Встрепенулся холоп, разглядев в окованных медью воротах статного вершника на коне, одетого в летний *кунтуш* с серебристым шитьем по подолу.

- Чьи людишки? – потребовал вершний.

- Илейки Болотникова мразята!

- В Оку их?

- В Оку!

В третьем ряду, по правую руку шел рядом с Брагиным целовальник. Фенко тронул его за плечо:

- Неуж как котят?

Копыто кивнул:

- Не нас первых. Слышал, небось, как в Москве на Яузе топили на льду Иваново войско? По сотенке в ряд становили челом к пррорубям и били дубинками по затылку. И я там случись, да бежал. Цела сотня бежала, а спасся один токо я.

- Теперь не спасись, - Фенко зыркнул на грозный прилесок секир, замыкавший со всех сторон подарестных.

- Угу, - согласился Копыто и вдруг подмигнул, - а счастьяца все-таки попытаем. Главно: руки ослободить.

Поднатужась, Брагин дернул кистями и, ощутив слабинку, догадался, что узел веревки податно пополз.

- Развязал, - тайно поведал Копыту.

В голосе Кеши – открытая зависть:

- Тебе повезло.

Скрипнула грядка телеги. За крепостными воротами, слева от мрачной *скудельной избы*, за которой тянулись холмы погребённых, на паре гнедых подкатил божедом. В его щелеватых глазах, козловой бородке и зыбких губах, затаивших усмешку, было какое-то сходство с ханом Батыем,

который, казалось, затем и воскрес, чтоб проехаться рядом с толпой обреченных.

- Упырь упырей! – Целовальника затрясло, и непонятно было, то ли он испугался татарина, то ли так открыто разгневался на него, - мертвечину почуял.

Фенко не понял:

- Какая тепере в нас польза?

Трясти целовальника перестало.

- Покуд ты богу душу не отдал, одёжку, какая побаше, с тебя содерёт.

- А стража? Неуж-то позволит?

- Глянь на телегу – два бурака, и оба с вином. За это позволит.

Показалась река, кусты бересклета, черный скелет горелой сосны. Уже вечерело, солнце свалилось за лес, оставив над елками отцвет заката, когда конвоиры сошлись в один ряд и, наведя на подстражных секиры, стеснили их к бровке обрыва, откуда точило речным холодком. Два высоких стрельца подошли к татарской телеге, взяли оттуда по колотухе и возвратились назад, выжидающе глядя на божедома.

Татарин, наметив несколько жертв, достал из кривого чехла длинный нож. Подошел к молодому, тучному в брюхе детине, сунул лезвие в низ живота, и когда тот со стоном осел, полоснул по веревке меж рук и решительно сдернул кафтан. Затем, пропустив двух одетых в нищую *гуньку* посадских, приблизился к бусому старику в суконном, с поясом, *доломане*. Старый заплакал, попятился, низко согнулся, пряча живот далеко под себя. Но татарин знал много разных приемов, как можно коротко убивать. Рука его потянулась к дрожащим ладоням, которыми бусый пытался спасти живот от ножа, и вдруг, изменив направление, мягко всадила лезвие в шею.

Брагина бил ледяной озноб. Божедом подошел к целовальнику Кеше, заметив на нем сапоги с оторочкой.

Приказал ему сесть. Копыто, следя замороченным взглядом за страшной рукой, опустился на землю. Сволакивая сапог, божедом раздевающим взглядом прошелся по Фенковым старым бахилам, штанам, *азяму и колтаку*.

Брагин вспотел, ощущая, как грудь обвалило черным желанием скорой отместки. Тараща глаза, он дернул кистями, с которых змеей свильнула веревка, и прелым носочком *бахилы* прицелисто пнул. Слыша хруст переносья, с каким татарин свалился, сжимая под мышкой добытый сапог, метнулся вперед, под секиру стрельца, озаряясь на миг догадкой, что самый блаженный есть тот, кто не знает разницы между жизнью и смертью. Секира стесала с плеча длинный лоскут азяма. Стрелец впопыхах промахнулся, и Фенко, шлепнув его по круглой башке, удивился, что стражник от этого зашатался и, обмякая, уселся в густой бересклет. «Спасусь!!!» - проревело в груди, и Фенко порывисто прыгнул. Но, не услышав топота ног, обернулся.

Подстражные были растеряны и, не зная, что делать, метались меж алых кафтанов стрельцов. Вставал божедом. Целовальник Копыто, будто нелепый кузнечик, скакал по траве, спасаясь от долгой секиры, которой разгневанный сотник пытался лишить его головы.

Запалился Фенко. «Ах, так!» Четыре прыжка. И кулак его, взяв всю тяжесть громоздкого тела, влетел с размаху в рыжий висок. Повалился сотник, взмахнув ногами. Целовальник подставил Брагину руки:

- Рассеки *ужшику!* Скорей!

Разрезая секирой веревочный узел, Фенко глянул поверх волосатой Кешиной головы и понял, что дело их падше не надо. Подарестные, кто торчал истуканом, не смея тронуться с места, кто крутился ужом под ногами стрельца, кто, визжа и рыдая, от взмаха секиры, обреченно бросался с обрыва в Оку. И только подколотый в брюхо молодчик, проворно поднявшись с земли, торопился к горелой сосне, за которой прядали ушами *гнедые*.

- Отмахните от них! – проорал целовальник, тоже бросаясь к сосне.

Фенко, будто великий косец, размахнулся секирой по кругу, дабы утратить трех стрельцов, норотивших загнать их в реку. Стрельцы отшатнулись. Но, перемолвываясь, снова пошли с трех сторон на холопа.

Телега уже громынула колесами по земле. В вожжах – детина и целовальник.

- А-а! - крикнул Фенко, видя, что не успеть и, отбив держакон тяжелый *бердыш*, поспешил не назад, а вперед, чем смутил наседавших, заставляя их выходить удар на удар. Но стрельцы рисковать, должно, не хотели, и, опасаясь Фенковых рук, в которых секира сулила кому-то из них погибель, чуть поотпятились, дали проход.

На скрипевшую за бересклетом телегу Фенко вскочил на бегу.

- А ну, лихорята!!! – шумнул целовальник.

Гнали татарских гнедых раз пять, не мене, меняя дорогу – запутать следы. Ночь садилась уже на проселок, на грабы и ясени вдоль него. Давая отдых коням, спустились в пологий ложок. И только тут оглядели друг друга, перекрестились и, распечатав бурак, попеременно глонули татарской сивухи. Дородный молодчик, который первым изведаль, насколько остер у татарина нож, мотал головой:

- А ведь с душой уж было собрался к архангелам в гости. Ан не пришлось.

Целовальник моргнул на него:

- Ай железо тебя не берет?

И Фенко моргнул:

- Ну-ко? Ну-ко?

Умилился молодчик:

- Спасла калита с пирогами! – и, распутив низ исподки, вытащил сумку из-под портов, сразу осев в животе чуть не вдвое. – Запрягал в кружале, ковды сторожьё налетело. Боялся: вдруг отберут?

- Ты никак хлебопёк

- Хлебопёк.

- Добро, коль радеешь о завтрашнем дне. Хлеб-то тепере – второй спаситель.

Подкрепились сивухой и пирогами. Стали думать: куда держать путь?

- В монастырь, - предложил хлебопёк, - отсидимся в тишке до покойной поры.

- Э, нет, - сказал целовальник, - в Тулу надо. Там Болотников войском стоит. Таких, как мы, ожидает...

Фенко прикидывал: две дороги, и обе ведут неизвестно к кому. У монахов, пожалуй, будет верней, там и пища тебе. И жильё. Да и сам останешься цел. Однако придется скрывать: кто, откуда ты, что натворил? Жить же раздвоенно, чтоб одно говорить, а другое таить, холоп не умел. А как у повстанцев? Этого Фенко вовсе не знал, только чуял: там должно быть как-то иначе.

- Куда Болотников чаёт пойти? – спросил у Копыта.

- Сперва в Москву на царя, потом на вотчины к барам. Всю господскую нероботу перечешем.

Чем-то свежим и бодро призывным накатило от Кешиных слов, стало дерзко и радостно, словно в драке, и померещилось Брагину Устье, куда он вернулся, чтоб так переставить людей, дабы были вверху такие, как мать его или Павла.

- Подамся вместе с тобой! – Фенко хлопнул ручищей по Кешиной вислой спине.

Целовальнику это и надо:

- Слава Небесному! Надоумил! А то бы куды я один?

Помолившись и поделив хлеб с вином, в эту же ночь и отправились в путь. Хлебопек – в монастырь. Пастух с целовальником - в Тулу.

Монотонно скрипели оси колес. Дорога была не особенно длинной, однако пришлось ее брать терпеливым сидением на телеге всю остатную ночь и весь день, а потом еще одну ночь

и еще один день, пока не открылись окрестности Тулы. Затаившись в кустах, разглядели, что подступ к городу был закрыт. В пятистах саженях от стен стояло лагерем царевое войско.

Привстав над телегой, Фенко глядел на притихшие стены *детинца* с воротами, башнями и зубцами. В устье речки Воронья, впадавшей в Упу, прудили плотину. Мелькали фигурки стрельцов, похожие издали на букашек. Там и сям среди нивок горели костры. Ржали изредка кони. Слезая с телеги, Фенко кивнул на гнедых:

- Давай-ко, Кеша, счастьяца попытаем! Режь постромки. Излажайся верхом!

Таясь, где в кустах белотала, где в клочьях тумана, где в засторонье стогов, вершники тронулись робкой рысцей, ежесекундно рискуя попасть на заставу. И едва ли бы им удалось миновать смертной стычки, да на их удачу в эту же ночь из секретно раскрытых ворот вышел конный отряд. Продвигался он крупным галопом, открыто. Закружились кони возле ближайшего к ним бивака, где белела большая палатка. Стрельцы охранять ее почему-то не стали, скрылись между телег. Кто-то дюже лохматый, в кафтане с одним рукавом соскочил на ходу с вороного, рассек *палашом* полотно – палатка опала, и обнажилась схоронка мешков.

- Загружай – и назад!

Четверо вершних, спрыгнув с коней, занялись торопливой погрузкой. Один за другим отъезжали гружёные кони. Кеше с Фенком, приспевшим к зоримой палатке, тоже забросили по мешку.

Сзади послышался топот и свист. Заржал аргамак. Бахнул выстрел.

Из пятерых, отгружавших мешки, заскочил на коня лишь лохматый. Брагин почувствовал резкий удар. Настигшее сзади копьё прободало мешок.

- Было твое – стало мое! – Фенко, теряя мешок, тяжело скользнувший вниз по его бахиле, дернул копьё на себя и

услышал жалобный стон – падал с лошади царский дружинник. «Лохматый ссадил!» - понял Брагин, видя в трех шагах от себя вороной круп коня, а над ним силуэт детины с опущенным в правой руке палашом.

- Ты-ы, большой! – приказал беспощадным басом лохматый детина. - Придержи-ко их тут!

Гнедой заупрямился развороту. Но Фенко подпнул его по бокам, быстро вскинул копьё и, не ведая, как им правильно надо владеть, сделал страшно отчаянный взмах. Один из дружинников охнул, второй – потерял оборвавшийся повод, третий – резким ударом меча пересек у холопа копьё. Из сумрака ночи на Фенку блеснула железная клепка тяжких доспехов. Конник поднял плечо, меч на миг задержался, нависнув над Брагиным, как предсмертьё.

- Чем луканька не шутит! – Фенко вложил в ладони и ноги упругую силу толчка и порывисто взвился, оставив гнедого без ездока.

Дружиннику в стеганом *тягиле*, броне и наплешной *мисюрке*, махнувшему острым мечом куда-то в пустое, было нелепо и дико почувствовать вдруг у себя за спиной что-то громоздкое и живое, которое сжало его до боли, схватило руку с уздой и погнало коня в ворота.

За высокой стеной детинца, в громождении арб и телег, среди огня и чада берестовых свитков оглушили Брагина голоса, и он с трудом разобрал:

- С доброй охотой, детинка!

- Какова соболя изловил!

Но голоса, как один, поутихли и вместо них народился растерянный ропот, когда развязали мешок, обнаружив в нем вместо муки обычную землю. Вылазку делали зря, потеряв ни за что, ни про что пятерых. Всем стало ясно – такое подстроить мог только тот, кто знал, что в городе голод, и вершники в поисках пищи откроют палатку, в которой и будет их ждать этот подлый сюрприз.

Пленного увели, а Брагина вызвали в ближний терем:

- Болотников спрашивает тебя!

Пройдя через крытый булыжником двор, Фенко ступил на крыльцо, откуда по длинному переходу дошел до сеней с дверями в чулан, кладовую и летнюю избу. Был табунщик матерого роста, на голову выше обычных людей. Но и Болотников был не ниже. В черной, без ворота *однорядке*, *червчатых* сапогах, с рассеянным взором задумчивых глаз, обведенных рисунком всечеловечьей печали, он был похож на усталого жоака, которого мучает совесть. При виде Брагина он улыбнулся, стряхнув с чела груз мучительной думы и жестом руки усадил холопа на лавку:

- Мне про тебя рассказывали лихое. Откудова будешь?

- С Мологи.

- И как это ты изловчился: взять в плен царского ратника, да на его же коне, да еще и при сабле?

- Темь пособила, - ответил Фенко, - и то пригодилось, что прежде был у барина при конюшне. Объезжал рысаков, кои были такие же ярые, яко звери.

- От барина, стал быть, сбежал?

- Эдак вышло.

- Обидел тебя?

- Хотел женить на старухе, а деву мою приберечь для себя.

Заходил Болотников по палате. От резких его шагов заметались в площадках огни.

- Закормленные, задаренные, заваленные благами! Ведь всё имеют – жильё, имущество, деньги, отборную пищу и эту презренную власть, при коей сподручно делать из нас послушное стадо. Но мало им этого. Боле хотят. Пожелтели от зависти, как азиаты. Разъели брюшину на восемь овчин. На девятую зуб возгорелся. Да шиш! Не дадим!..

И еще добавил Болотников перед тем как Фенке уйти:

- Обиду барину не прощай. Он в долгу у тебя. Помни...

Помнил Брагин. Помнил не только слова. Но и встречу саму, которая сильно-сильно запала в душу и как бы шире открыла ему глаза, и он увидел свой путь, путь рискованный и

желанный, освящённый мстительной целью – пройти под рукой вожака все пределы Руси, избавляя их от таких, как Иллариий Шаганов.

Здесь, в многолюдном городе, дюже богатом оружием, дюже бедном едой, его посетило чувство родственной связи. В каждом крестьянине, в каждом холопе он узнавал самого себя. Судьба его повторяла тысячи судеб таких же, как он, беглецов, кто пришел в осажденную Тулу из многих неведомых сел великой страны, кинув там своих жен, матерей и деток. Для того их и кинув, чтоб после ратных походов вернуться домой с ощущением долга, который был выполнен до конца. Или совсем не вернуться. Кому как выпадет по судьбе.

Живым кольцом окружило город стрелецкое войско. Неизвестно, как долго оно стояло бы под детинцем. Однако в стане сидельцев, все разрастаясь и разрастаясь, вставал на свои полумертвые ноги, пугающий голод. Поэтому в каждую ночь, оружившись копьем и мечом, выступала в набег доброконная стая. Возвращались не все. В одной из вылазок был посечен целовальник Копыто. Брагин доставил его в детинец, но Кеша уже умирал и, призвав остатные силы, успел все же вымолвить несколько слов:

- Береги Болотникова. Без него наше дело не стоит и полушки.

Последнюю вылазку за ворота делал Фенко в осеннюю ночь. Он был самым увертливым и живучим, кого щадила секира стрельца. Шли не сотней, как прежде, а малым отрядом. Шли с опущенными мечами вдоль лопочущих вод Упы. Темнота. Запах мокрых отав. Ни застав. Ни костров. Куда ж подевались стрельцы? И тут до слуха дошел шум бесчисленных ног, пробирающихся с треском через кустарник. Непривычно стало и странно. Лишь когда замотали мордами кони, заподымали, забулькав, копыта, стало ясно, что это бежит, наступая, вода.

- В крепость! – командовал Брагин, сообразив, что на город пустили реку и лавина ее – задержись они тут – всех немедленно перетопит.

Дикой скачкой спешили кони. Брызги. Храп. Беспощадные взмахи кнута. Но вода была многим быстрее и, обрушившись сзади, сшибла вершников вместе с конями и, как стадо зверей, с ревом бросилась в сонный город.

- К воротам! – Фенко выплевывал воду, держался за гриву коня и, толкаясь ногами, старался уйти от волны, тащившей его на бревнистую стену детинца, на стыке с которой ждала неминуемая смерть.

И опять ему повезло. Из всего отряда один только он, миновав жуткой стычки с детинцем, будто бешеный краж, пролетел на волне в ворота.

Час понадобилось реке, чтоб подмять под себя городские улицы и дороги. Ушла земля из-под ног. Поникли сидельцы. Единственно, что в них осталось, так это вера в своих вожаков. Поползли разговоры. У одних на уме князь Шаховский:

- Княже средь нас, чего горевать. Умён и хитёр, яко лис. Помяните меня: он Василия Шуйского озадачит.

У вторых – лжецаревич Петрушка:

- Царевич сто крат одурачивал смерть. И теперь, небось, одурачит.

У третьих – Болотников:

- Ивану Исаевичу молось. Не родня нам, никто, а стоит за нас, как спаситель.

Слушал Фенко надеждой крепленные разговоры, хотел бы прикинуть к ним с радостным сердцем, однако не мог: дело у них не из тех, которое можно поправить. «Была бы воля моя, - горячился, - всех бы вывел ночесь в сухие ворота и, смерть-не смерть, а пошел бы прямком на царя. Всяко бы кто-то-нибудь да прорвался».

Не было дней тягостней и печальней, чем тех, которые наступили и потекли один за другим, сокрушая защитников

города голодом и водой. Сообщались сидельцы между собой на плотках, паромках и лодках. По воде тут и там плавали трупы, которые некуда было даже зарыть. Давно были съедены кони. В пищу пошла кожа баранов, быков и коней. «И чего они долго манежат? – думал Фенко о жоках, не зная того, что ложный царевич Петрушка на все обреченно махнул рукой, князь же Шаховский чаял сбежать и, отдавшись Шуйскому в руки, ценою службы царю заслужить себе жизнь, а Болотников бился над мыслью: как спасти многолюдное войско, дабы не трогал его боле мор?»

Еще мене того Брагин ведал о том, что неделю спустя на кауром, последнем из всех аргамаков, он мелкой рысью поскачет к палатке царя. Потому и послал Болотников Фенка, что выглядел он свежее других, был безбоязлив и удачлив и имел отчаянный вид бунтаря, смутить которого невозможно.

«Либо пан, либо пал», - ухмылялся повстанец, подъезжая с белой тряпичной палкой к забитому тьмой телег биваку.

- До царя!- гаркал Брагин, и дружинники расступались, давая ему неширокий проход к колыхавшей под желтым тентом высокой палатке, у входа которой сидел окруженный боярами Шуйский. Несмотря на железный с ангелом шлем, на покрывший плечи и грудь мелкокольчатый панцирь, был каким-то он комнатным и негрозным, не подходившим совсем для того, чтобы жить среди войны. И только живые глаза с искрой спрятанного лукавства намекали на то, что силен царь не явным, а тайным, сокрытым в глубинах его затворенной души.

Брагин извлек из азыма бумагу, которую тут же, на спор, подхватило несколько рук. В грамоте десять словес: откром ворота, ежели царь не станет чинить над сидельцами кары. Прочитав, Шуйский глянул на Брагина с тонкой улыбкой, но, встретив его неморгающий взор, смял улыбку и, вскинув булаву, велел подоспевшему дьяку:

- Пиши...Обещаю жизнь и выдачу отпускных тем холопам, кои придут до меня с повинной.

Возвращался Брагин в крепость города с низко опущенной головой. Не верилось Шуйскому. Ни единому слову. Чуяло сердце его: обманет.

Подавая Болотникову столбец, заявил:

- Приятны царёвы слова, да за ними щерятся зубы.

Утомленно и мертво смотрел Болотников в полую дверцу окна на серебряно-тусклые дали покрытых куржавой полей, точно чаял увидеть большую дорогу, что должна была их повести через Русь, но не видел ее, дорога пропала, оставив людей его с глазу на глаз с заполошной бедой.

- Иного выхода нет, - сказал предводитель. Сказал не столько Брагину, сколько себе и вздохнул, как вздыхают возле могилы.

Восемнадцатого октября, в день Иуды и Симеона закрипели петли задних ворот. Болотников выехал на *кауром* и, достигнув царской палатки, резким взмахом руки обнажил перед Шуйским широкую саблю:

- Я выполнил клятву свою, - сказал, спускаясь с коня, - коли хочешь меня убить – вот моя сабля. Одначе людей моих, как заверял: отпусти без отместки домой.

- Так и будет, - ответил царь, подымая булаву, по знаку которой отряды стрельцов потянулись к раскрытым воротам – принять от сидельцев затопленный город.

Через сутки защитники Тулы, лишившись оружия, крепости и вождей, обеспокоились не на шутку. Да что от того? Было поздно. Охранники, помогая себе бердышом и копьём, ставили их в густые ряды и вели по дороге к Москве.

Ропот. Стон. Возмущенные крики. Но беспорядок длился недолго. Крикунов засекали на месте. Раненых добивали. Больных и уставших швыряли в реку. Велено было: доставить до тюрем столицы вдвое мене людей, чем их есть.

«На убой, как скотину», - Фенко стискивал зубы, видя перед собой обреченно-скорбные спины уставших людей.

Месиво грязи. Чавканье ног. Блеск бердышей. Приободрился холоп, услышав, как завозилось в груди ретивое, едва он подумал о том, что ведь можно сбежать. Да, да. Только так. Правда, надо не суетиться. Показать себя очень смиренным, чтоб у стражи о нем утвердилось одно – он спокойнее всех спокойных.

Но бежать, как задумал Фенко, не удалось. Достало копье, пропоров острием его тело от ребер спины до груди, и Брагин, раскинув руки, свалился в холодную грязь. Истекавшего кровью, его оставили подышать среди мокрых кустов ольховой низины.

Утром, очнувшись сквозь забытье, он увидел рассвет. Затем увидел плывущие тучи. А под тучами серые полосы – дождь. Показался старик с железной лопатой. Стал копать что-то вроде могилы. «Неуж для меня?» - просквозило в мозгу, и Фенко отчаянно выкривил губы, желая сказать, что не хочет туда. Но боль ударила, как с размаху, и он замолк, потеряв все слова.

А дождь все сыпал и сыпал. Никли кустарники и деревья. Водятели поля. Набухали заборы и крыши. Вся земля была под дождем. На большой Серпуховской дороге, где Даниловский монастырь, стоял, измокая насквозь самозванец Петрушка и ждал, когда низкорослый палач обовьет его шею мочальной петлей и вышибет подмости из-под ног. И Иван Болотников мок, проезжая в полой карете по булыжным дорогам державной Москвы, как особо важный преступник.

Почти полгода спустя, оправясь от раны, а точнее, вернувшись оттуда, где не живут, Фенко спросил у себя: «А и был ли тот дождь? Может быть, он приснился? Вон как долго я спал...»

И опять он увидел того старика, что выкопывал яму, намереваясь туда его опустить. Но увидел не в мокрой ольховой низине, а в теплой избе.

Звали старого Дорофеем, был он маленьким и носатым, с круглой плешкой на голове, в невеселых его глазах дотлевала

тоска по старшему сыну, который сгинул в Туле среди сидельцев, не выдержав голода и воды. В селище своем Дорофей врачевал, ведал тайну трав и кореньев, которыми он и вылечил Фенка.

Еще две недели прожил Брагин у Дорофея. А потом решил уходить. Обнимая хозяина, как родного, сказал:

- Душа у тебя, Дороня, благая. Тепере квитки раздавать буду разом за большака твоего и Болотникова Ивана.

- Говорят: Болотников жив, - подсказал Дорофей.

Встрепенулся Фенко, как летнее дерево на ветру:

- Где-ка он?

- Томится в москоськой тюрьме под началом Федьки Нагова. Но скоро его повезут куда-то на Север. Царь хочет в воду его посадить...

До Москвы на вершнем коне, которого Фенко добыл разбоем, добирался он полный день. Времени было довольно. И он успел хорошенько обдумать: «Выждать час, когда повезут Болотникова на санках. Собрать к той поре из отпетых людишек ватагу. И по дороге отбить...»

План был дерзок и прост, но исполнить его оказалось нельзя. Пять дней назад под доглядом стрельцов Болотников был отправлен в Каргополь на Онеге. «Всё одно настигу!» - заупрямился Брагин, чуя сердцем беду, что еще не случилась, но может случиться, коли что-то задержит его в пути.

Забиячлив и грозен был Фенко в погоне. Пищу, обуток и деньги брал с бою. Еще в Москве к нему прилепилась четверка отпетых сорви-голов. В усадьбах боялись налетчиков пуще огня. На свежих конях, отобранных силой на *ямах*, они уходили все дальше и дальше. Ростов миновали. Прошли Ярославль. Оставили Вологду сзади. Две недели понадобилось ватажке, чтоб добраться до города на Онеге.

Ночь и день провели в прибрежном лесу, откуда смотрели на деревянные храмы, на пятиглавый, из белого камня собор, дощатые *мытницы* и заборы.

Болотников жив! Об этом Брагин узнал от посадского рыбаря, что ездил на дровнях из города по жердинник. Тот рассказывал:

- Привезли атамана третьего дня. Боляре наши стали допытываться у стражи: почему злодейко не связан? А Болотников речет: «Вам нет до этого дела!» Осерчали боляре: «Ты нам давай не перечь, а не то мы язык-от тебе сей час укоротим!» Тут атамана лихо схватило. «Я, грит, вас, белорожих, скоро зашью в медвежьи мешки!» Позеленели боляре от злости, а воевода токо и молвил: «В пытошную! Немедля!»

Сердце у Брагина круто зашло.

- Каково ему нонь?

- Сёдни мукам конец, - продолжил посадский, - как стемнает, топить поведут. Вон, - махнул рукавицей куда-то к середке реки, где укрытые в шубы фигурки долбили пешнями лед, - готовят ему постелю.

«Отобьём!» - думал Брагин, ступая снежной тропой к лесному костру, где его дожидалась ватажка.

По вечеру над Онегой шуршала морозная стружка намётов. Летала сова, а вдали, где смутно сходились сугробные склоны, вставала луна. В эту минуту и вышли на лед пятеро дюже громоздких от зимней одежды стрельцов, средь которых, держась за конец *алебарды*, ступал одетый в отрепье спотычливый путник.

До проруби, что клубилась холодным дымком, оставалось с десяток шагов, как послышались гиканье, храп и топот. Конвоиры споткнулись, страх метнулся в глаза, словно каждый из них увидел стаю нечистых. Позабыв, что в руках *алебарды*, как один, повернули назад и, пиная коленями пышные полы котыг, бойко бросились наутёк.

А высокий, в изношенной ветхой сибирке путник стоял неподвижно и прямо, не повернув головы, ко всему безучастный и тусклый.

- Иван Исаевич! – Брагин спрыгнул с коня, подбежал по хрустящему снегу и, плача от счастья, вскинул ладони – обнять жоака, как вдруг остолбело отпрял. – Кто тебя эдак?

- Бояре, - ответил Болотников, - судьбу мою поправляли, чтоб я незрячим ушел от людей.

- Всё одно! Тепере ты с нами! – Фенко вывел рукой властный жест. – Ребята, коня!

Отказался Болотников:

- Поздно.

И Фенко смутился, почуяв в отказе слепого какой-то особенный смысл, точно Болотников знал свой предел, за который ступать не станет

- Как так? – сказал подавленным тоном, смекая с досадой, что нету тех слов, которыми можно сейчас ободрить жоака. И все-таки он добавил: - За тобой – появися токо в народе – подымутся все.

Болотников грустно отмолвил:

- Этого я и боюсь. Потому как слепой, ежели он людей и подымет, то приведет их совсем не туда. Подыматься люди должны за зрячим.

Растерялся холоп, и ватажники растерялись, слушая голос слепого, как приговор. Приговор не только себе, не только их делу, но и всему, что они совершили за целую жизнь.

- Но зрячего нонечи нет, - осторожно заметил Брагин и испугался, подумав о том, что Болотников с ним согласится.

- Он есть! – поправил Болотников с тусклой улыбкой. И Фенко слегка привоспрял, и дружки его чуть привоспряли, внимая словам обреченного с истовой верой людей, которым нужен руководитель. – Правда, невидим покудова он, ибо затерян в своем народе. Но время с нами, а час нетерпенья пробьет, и он появится, яко спаситель.

Болотников сделал спотычливый шаг, осенив широким крестом ледяную реку и светивший над ней золотыми пучочками маленький город.

- Прощайте, - сказал и, убрав руки за спину, тяжело побрел к опущенному рубленным льдом оконцу воды.

Взгляды ватажников остро скрестились на Фенке. В них читалось: «Вели, и Болотников будет живой!»

Брагин мрачно мотнул головой, запрещая кому бы то ни было двигаться с места. Болотников сам все решил до конца, и мешать ему в этом не надо.

Скрип шагов был безжалостно чистый и свежий. Фенко скорбно согнулся, смыкая глаза, из которых пробилось сырое. И тут раздался глухой громкий всплеск.

Смутный снег, оловянно-тяжелое небо, черный проблеск воды, силуэты коней – все вокруг встрепенулось, пошло, подступило, сдавило Брагина так, что в груди его стало тесно. Был Болотников – и не стало.

Приблизившись к проруби, Фенко глянул в ее глубину с суеверной боязнью. На воде покоилась снежная глыбка с отпечатком от сапога. Наклонился Брагин, достал эту глыбку, которая стала плавиться на руке и, когда истаяла вся, повернулся.

Перед ним с обнаженными головами стояли его дружества. Почему-то глядеть на них было неловко, точно всех обнадеял, привел не туда. Да оно так и вышло. Дело, к которому он торопил их за тысячу верст, оказалось ненужным. Опираясь о луку седла, он залез на коня.

- Поеду один, - напряженно сказал и, подернув уздой, направился к лесу.

- Куда же ты, Фен? – спросили его.

- Не знаю.

И в самом деле, не знал он: куда и зачем ныне надо ему? Ехал и ехал. Вон берег. Вон елки. Сквозь лес проблеснула луна. Брагин бросил узду.

Конь, почувствовав волю, свернул с тропы на зимняк. Надо думать, хотелось ему возвратиться домой, в хорошо обжитое стойло конюшни, откуда угнал его этот вершник, чьи могучие руки так безошибочно умели править

уздой, но теперь почему-то вдруг разучились, швырнули ее, предоставив коню самому выбирать себе путь.

Закатилась луна, снег забило слепой пеленой, в перелогих завыли волки. И Брагин, увидев уши коня, боязливо застригшие воздух, как бы очнулся, почуяв в себе человечье, живое, которое надобно охранять. Он прилег животом на жесткую луку, добрался до повода и проверил: на месте ли кнут? И с этой минуты сердце его заняло какой-то горестной блажью, и стало ему смятенно от думки, что он остался в живых, а знакомцы его полегли, не прожив предназначенный срок. И снова, как по июльской поре, когда убегал неизвестно куда из дома, поверил Брагин в свой восхитительно мирный будущий день, в котором ему вдруг открылось родимое Устье, избушка на снежной горе, два окна, а в них – его мама и Павла.

Две недели блазил перед ним уголок желанных пенат, где так жадно хотелось ему пожить. «А чего? Как иначе-то? Поживу!» - бормотал про себя, забывая о том, что отныне он беглый холоп, и рассерженный барин таких, как он, не прощал.

Последние версты шел Фенко пешим. В дерюжной котомке: копченое мясо, стерляжий балык, пироги и подарки, маме – тонкий сукманник, Павле – гороховый плат – все, что дали в обмен на коня.

В Устье он перебрался по талому льду, сразу встретив дома весну с ее крупной капелью, запахом стружки отесанных плах и чиликаньем птиц, привечавших зажоры и солнце.

Но весна, словно дымом оделась, едва узнал от соседей печальную весть. Мать померла. Не от голода, не от побоев. От допросных словес, какими допёк ее барин, желая узнать: куда подевался сынок?

- А Павла? – губы у Брагина зыбко дрожали.

Соседи: хромая, с усами, старушка Орина и муж ее косенький Родя вздохнули:

- Нету христовой. Вот уж месяца три как бежала. Бают, будто в лесную пустынь.

Брагин снял со спины котомицу, повесил на кол загорожи.

- Али притча какая стряслась?

- Челябинку ждала, - объяснила Орина. – Барин видит, что стала она налитой, вот и почал ее донимать: от кого? – Старушка вдруг замолчала, глянув на старого Родю, и тот, качнув головой, досказал:

- Дева на диво да и токо! И чего бы ей не сказать? А ведь нет. Не сказала барину ни словечка. Но и жить на Устье не стала. Собрала в калиту пожитки и сгинула без следа.

- Давно это было?

- На Ефрема Сирина, когда кашу варили для домового.

Разговор еще был не закончен, да старые вдруг осеклись, испуг проскользнул по их блеклым глазам. Обернувшись, Фенко увидел в проулке дворовых людей, среди которых был управляющий Гога Рогов. Гога красен и толст, как пшеничный суслон, на губах – гунявенькая улыбка.

- Блудному сыну велено к барину на беседу.

Был Фенко во власти тяжелого горя, и потому неотчетливо понял, чего от него эти люди хотят.

- Кто такие? – ткнул пальцем в обтянутый красным кафтаном Гогин живот.

- Послаты за тобой! – разохотно ответил Рогов. – Шаганов жалает тебя узрети!

- Ага. Шаганов, - Фенко сначала задумался, а потом улыбнулся, с какой-то жестокой догадкой постигая, что справедливости не было, да настанет, благо она у него в руках.

Развалив толпецу дворовых, Фенко выбрался на дорогу. Шел он крупным порывистым шагом вдоль заборов и изб, ощущая затылком солнце. Было свежо. Впереди, по навозной дороге тянулась длинная тень. Засмотрелся Фенко на тень, ибо она показалась какой-то не в меру подвижной, спешившей сама по себе от него, словно пытаясь куда-то

сбежать. Усмехнулся холоп: «Никого у меня. Ничего у меня. Только тень. Да и та норовит удрапать. Не по силам ей, видно, моя житуха...»

Во дворе господских храмин Брагина ждали. Даже калитку в воротах кто-то открыл перед ним. На крыльце, утонув в мягком кресле, сидел, золотясь рысью шубой, Иллариий Шаганов. Фенко прошел по метёной дорожке, глянул в упор на порочно красивое, востренькое лицо, отражавшее ласку сытого господина, которому скучно, и вот он станет сейчас себя развлекать.

- Что? Вернулся? – спросил Шаганов с глумливой улыбкой.

- Коли не слеп, то видишь! – вымолвил Брагин.

Подол у шубы заподымался: Шаганов укладывал ногу на ногу, чтобы удобнее было вести разговор.

- А кланяться кто мне-ка будет? Ты? Или Гога?

Сзади услужливо засмеялись. Фенко же молвил:

- Слава богу, этому разучился!

- Времечко есть! – по губам Шаганова змейкой скользнула улыбка. – Научим! Одначе сперва мы тебе сочиним веселую свадьбу. Невеста, чай, тебя заждалась. Да и ты, поди-ко, по Марфе своей стосковался?

- Не мне о старухе тужить! – ответил с вызовом Фенко.

- Кому ж? – глаза у Шаганова остро светились. Хотелось унижить ему гордеца, и он предчувствовал – это будет.

- Тому, кто на бабьем подоле завидные зенки оставил! – Фенко вдруг вытянул руку. – Ты, барин, спутал меня с кобелиной! А кобелина-та вон, у тебя под полой!

Покраснел Шаганов, шуба на нем колыхнулась, а руки в перчатках схватили воздух, сжимая его, как врага:

- Под кнуты!!!

-Погоди! – Брагин выступил резко к крыльцу, отстранив нависавших было на нем двух дворовых. – Я пришел к тебе не за этим. У меня до тебя есть должок. Получи! Поначалу за маму! – Фенко выбросил руку вперед.

Шаганов, впервые познавший, чем пахнет здоровый мужицкий кулак, побледнел, будто смерть, и, прикрыв перчаткой свороченный нос, закричал, привставая из кресла:

- Не пушай до меня! Бейте ирода! Пуще! Пуще!

Навалились на Брагина справа и слева. Но он успел заскочить на рундук и, свалив кого-то себе под ноги, еще раз хватить кулаком, отправляя барина вместе с креслом к загремевшим, как гром, парадным дверям.

- За Павлу!

И в третий раз, осыпая с плеч барскую челядь, размахнулся Фенко тугим кулаком.

- А теперь за меня! За всех православных! – И, наверно, на этот раз он бы вышиб из барина весь его дух, кабы Гога, примчавшийся с колуном, привстав на носочки и ухнув, словно колот неподатливый кряж, не ударил сзади по голове.

Зашатался Брагин, и в дрогнувшей мгле закатившихся глаз разглядел свой конец и свое начало. Быстротечный конец всему, что всегда было с ним на земле, и большое начало чему-то безликому, ровному, как пустыня, на которой лежит, отдыхая, та самая тень, что спешила сегодня сбежать от холопа.

СЛОВАРЬ РЕДКИХ СЛОВ

- Теклец – беглец.
Кумоха – привязчивая болезнь.
Божедом – сторож кладбища.
7115 – по нашему стилю 1607 год.
Целовальник – продавец вина в питейном заведении.
Кружало – питейный дом, кабак.
Детинец – обнесенная стенами крепость города.
Гоноболевый – цвет голубики.
Славница – девка на выданье.
Рундук – крыльцо.
Храмина – дом.
Гадиться – издеваться.
Курный дом – черная изба без трубы.
Пустынь – уединенный монастырь.
Шишель – преступник.
Кунтуш – мужской, со шнурками кафтан.
Скудельная изба – часовня.
Гунык - заплатанная одежда.
Доломан – длинная верхняя с пуговицами одежда.
Азям – долгополый кафтан.
Колпак – островерхая вязаная шапка.
Гнедой - конь рыжей масти с черными хвостом и гривой.
Бердыш – широкий топор.
Палаш – прямая широкая сабля конника.
Аргамак - дородный высокий конь.
Тягилай – кафтан со стоячим воротом и короткими рукавами.
Мисюрка – шапка с железными маковкой и сеткой.
Однорядка – однобортный с пуговками без ворота кафтан.
Червчатый – ярко-малиновый.
Каурый – светлобурый с прожелтью конь.
Ямь – конная станция.
Мытницы – бани.
Алебарда – копье с топором, насаженные на древко.